

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

Категория прогностичности в политическом дискурсе

© кандидат филологических наук Е. И. Шейгал, 2000

Обладание тайной (эксклюзивное право на информацию) является одной из сил, составляющих власть; некоторый налет таинственности всегда идет на пользу имиджу власти. В то же время политическая власть в современном открытом обществе осуществляется в процессе массовой коммуникации, что по большому счету с тайной несовместимо: “Политика является сферой, которой тайна противопоказана, и одновременно сферой, где создается тайна (an anti-secret and secret-constructing sphere)” [Szabo 1997: 23].

Прогностичность как содержательная категория политического дискурса вытекает из свойства смысловой неопределенности политического дискурса и обусловлена тем, что адресант стремится в своих интересах манипулировать языковым сознанием адресата и совершает “зашифровывающие” действия, а адресат вынужден совершать толковательную и прогностическую деятельность вследствие манипулятивных действий адресанта. Собственно содержание и форма этих шифровательных и толковательных прогностических речевых действий и составляет суть категории прогностичности.

Говоря о взаимодействии голосов в сложной партитуре художественного текста, Р. Барт особо подчеркивает роль герменевтического кода или кода загадки. Функция герменевтического кода заключается в том, чтобы сформулировать, ретардировать и разгадать загадку, или сформулировать вопрос и дать на него ответ. Р. Барт отмечает, что “всякое повествование заинтересовано в том, чтобы оттянуть разрешение выдвинутой загадки, поскольку это разрешение будет означать конец самого повествования, его смерть” [Барт 1994: 459]. В политическом дискурсе, герменевтический код особенно значим в той его части, которая опосредована дискурсом масс-медиа. Помимо привлечения внимания адресата к сообщению, т. е. стимулирования эмоции любознательности, герменевтический код выполняет функцию вовлечения в события политической жизни и поддержания политической игры. В роли “держателя” герменевтического кода, как правило, выступает коммуникативный посредник – журналист, политик, политолог (человек, облеченный правом и возможностью толкования текстов). Адресант-медиатор, либо, реже, сам автор текста, формулирует “загадку” и предлагает свой вариант отгадки, либо предоставляет возможность ее решения адресату. Медиатор

*Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных,
А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с.
ISBN 5-317-00036-X*

осуществляет толковательные операции или провоцирует на них говорящего по ходу коммуникации.

Содержание категории прогностичности можно представить в виде шкалы с полюсами “загадка” (тайна) и “разгадка” (снятие тайны). Шкала прогностичности коррелирует со шкалой достоверности (степени истинности сообщаемого). Полюс “загадки” соотносится с движением в сторону уклонения от истины (снижения точности обозначения и деформации образа действительности, камуфлированием намерений через искажение или умалчивание истины). Полюс разгадки коррелирует с движением в сторону приближения к истине, увеличения точности обозначения (коррекция через метаязыковую рефлексия).

В качестве эксплицитных маркеров прогностичности выступают номинативные единицы семантической группы “тайна”: *тайна, секрет, мистификация, загадочная фраза, туманный ответ, гадать*, и пр. Эксплицитные маркеры прогностичности реализуется, как правило, в речи коммуникативных посредников – журналистов, политиков, политологов, выступающих в качестве толкователей, комментаторов первичного текста политика: *Н. Аксененко обратился к залу с вопросом, все ли понимают его в этом вопросе, и, уловив положительную реакцию, произнес загадочную фразу: “Какой же атаман без золотого запаса?!”*. К эксплицитным маркерам прогностичности могут прибегать и авторы первичного текста: *“Открою одну правительственную тайну: почему мы требуем отплаты услуг естественных монополий рублями? Не только потому, что бартер завышает цены, создает криминальную среду...”* (Б. Немцов). Прямая констатация тайны служит для вовлечения адресата в интригу, а, кроме того, благодаря ей, устанавливается определенный уровень доверительности, позволяющий адресату чувствовать себя допущенным в круг посвященных.

В качестве имплицитного маркера прогностичности нередко выступает квантор неопределенности, который, помимо эвфемистического камуфлирования, выполняет функцию вовлечения в сюжетную интригу. Имена с неопределенной референцией требуют уточнения, и, тем самым, имплицитно задают вопрос, который остается без ответа: *“Ярлыком “коммунистическое – некоммунистическое правительство” прикрываются совсем другие вещи”* (М. Задорнов). Имплицитно задавая вопрос, квантор неопределенности одновременно, содержит и намек, выступающий как неконвенциональная импликатура, поскольку его расшифровка зависит не от общих знаний о мире, а от знания конкретной политической ситуации. В российском политическом дискурсе сложились специфические речевые клише намека, содержащие редуцированную рематическую компоненту сообщения, напр.: *Кому-то очень нужно, чтобы...; Мы знаем,*

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

отчего это происходит...; Сегодня уже совершенно ясно, кто это делает. Относительная прозрачность подобных клише усиливает их конвенциональность, а высокий индекс повторяемости и прогнозируемости в дискурсе определенных субъектов политики придает им характер ритуальности, сводя к минимуму усилия по расшифровке.

Таким образом, средством актуализации категории прогностичности в политическом дискурсе являются не только специфические номинативные единицы, но и определенные речевые акты, в частности, намеки и ссылки на слухи. Шаг в сторону разгадки осуществляется через вопрос. Вопрос на шкале прогностичности занимает промежуточное положение между загадкой и разгадкой, поскольку, с одной стороны, представляет собой отсылку к тайне, а с другой – нередко содержит ключ к разгадке. Попытка разгадки осуществляется также в таких речевых актах, как прогноз, предположение, обещание раскрыть тайну. За загадкой нередко следуют попытки разгадки, представляющие собой варианты интерпретации: ***Более чем туманной выглядела и реакция главы государства на ядерные испытания, проведенные накануне на индийском полигоне. “Индия подвела нас своим взрывом, но думаю, что, работая дипломатическим путем, визитом, мы должны добиться поворота в их позиции”. Что кроется за этой загадочной фразой, остается только гадать. Не исключено, что речь идет о готовящемся визите в Дели. Но это лишь предположение. Расшифровать, что именно имел в виду президент, в МИД пока не готовы*** (“Известия”).

Интенцией вопроса является уменьшение информационной энтропии. Вместе с тем, базисный элемент вопроса – компонент “незнание” – относит его к категории психологических препятствий [Рябцева 1991], создавая тем самым когнитивное напряжение, которое снимается при движении к полюсу разгадки, когда незнание превращается в знание (от предположительного до достоверного), либо создается видимость знания. Ответ на вопрос может выполнять двойственную роль в реализации категории прогностичности: а) ответ по существу содержит разгадку; б) ответ в косвенной форме, содержащий намек, уклончивый ответ, наоборот, имеет интенцию увеличения энтропии, сохранения загадки и, соответственно, способствует поддержанию повествовательной интриги.

Собственно “разгадка” осуществляется через эксплицитные маркеры прогностичности: *разгадка, подоплека, дать подсказку, расшифровать, иметь в виду, трактовать, открывать карты* и др., а также специфические речевые акты – метаязыковые рефлексивы. Целью рефлексива является снятие информационной энтропии, коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине. Покажем на схеме соотно-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

шение между основными звеньями категории прогностичности и лингвопрагматическими средствами их реализации:

Загадка Незнание	Попытка разгадки (догадка) Частичное/вероятностное знание	Разгадка знание
Поддержание энтропии	Уменьшение энтропии	Снятие энтропии
<i>Уход от ответа</i>	<i>Вопрос</i>	<i>Ответ</i>
<i>Маркеры загадки</i>	<i>Предположение</i>	<i>Маркеры разгадки</i>
<i>Намеки ссылки на слухи</i>	<i>Обещание раскрыть тайну</i>	<i>Рефлексивы</i>
<i>Квантор неопределенности</i>		

Д. Кристал справедливо полагает, что в парламентских дебатах достаточно редко задаются “настоящие” (т. е. прототипные – *Е.Ш.*) вопросы, на которые говорящие стремятся получить “настоящие” ответы. Мотив вопроса, будучи обусловленным политической конфронтацией или иными факторами, может никак не вытекать из его пропозиционального содержания. Вопрос для того, кто его задает, – это шанс “сфокусировать общественное мнение на проблеме, выразить солидарность с партийной линией, причинить неприятности оппоненту. Это также шанс привлечь внимание к собственной персоне, свести старые счёты, отдать долг своим избирателям” [Crystal 1995: 379].

Прогностичность вопроса заключается в том, чтобы стимулировать адресата к мыслительным действиям по “раскрытию некоей политической тайны” или, в случае риторического вопроса, направить эти действия по предложенной адресантом версии разгадки. Выделяются следующие варианты вопроса как компонента категории прогностичности: а) вопрос-заголовок как предвосхищение ответа, предложенного в аналитической статье, дает читателю возможность выдвинуть собственную версию разгадки; б) вопрос как выражение сомнения (имплицитно, но не навязывается отрицательный ответ); в) вопрос-предположение: в вопросе уже содержится версия ответа, но вопросительная форма снимает модальность категоричности в предлагаемой подсказке; г) вопрос-ретардация: риторический вопрос в сильной, завершающей позиции позволяет зафиксировать в сознании адресата актуальную информацию к размышлению. Поскольку текст завершен, и адресат не находится в непосредственном диалоге с автором, то высока вероятность пролонгированного действия “вброшенной” информации как стимула прогностической деятельности.

Одним из средств реализации звена загадки является уклонение от ответа. В данном случае реализуется стратегия политической выгоды, требующая сохранения монополии на знание как проявления более высокого властного статуса. Опытные публичные политики владеют це-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

лым арсеналом приемов ухода от ответа на “неудобный” вопрос. В числе наиболее распространенных приемов в литературе отмечаются следующие: проигнорировать вопрос; открыто отказаться отвечать; подвергнуть критике либо сам вопрос, либо того, кто его задал; сделать вопрос объектом языковой игры; дать неполный ответ; повторить ответ на предыдущий вопрос; переадресовать вопрос или ответить вопросом на вопрос [Crystal 1995; Wilson 1990]. В дополнение к приведенному списку можно выделить такие приемы, как уход от прямого ответа через намек или переформулирование вопроса, уход от содержательного ответа через псевдо-ответ.

К третьему звену категории прогностичности относится специфический вид речевых актов – рефлексивы. Понятие рефлексива шире таких понятий, как “интерпретирующие речевые акты” [Кобозева, Лауфер 1994: 64] и “речевой акт уточнения” [Старикова 1991: 184], и выступает по отношению к ним как родовое. Под рефлексивом мы понимаем любой акт метаязыкового комментирования фактов речи как самого говорящего, так и собеседника. В качестве метаязыковых операторов интерпретации в рефлексивах выступают слова и обороты *на самом деле это означает; так называемый; то, что называют ...; смысл X-а в том, что ...; трактовать как; то есть; точнее; фактически надо понимать как ...* и др., а также противительная конструкция (*не X, а Y*).

По объекту метаязыковой рефлексии разграничиваются два основных типа рефлексивов: акты интерпретации фактов речи и акты интерпретации денотата, стоящего за фактами речи.

В рефлексивах, связанных с оценкой фактов речи, метаязыковому комментированию подвергается как сигнификативный, так и коннотативный аспекты семантики. Интерпретация сигнификативного содержания фактов речи происходит через толкование. Толкование может быть вызвано необходимостью пояснить смысл малоизвестного термина или жаргонизма, стремлением сеять идеологическую полисемию, мотивировать правомерность своего выбора именно данной номинации или возразить собеседнику, показав неадекватность выбранной им номинации обозначаемому положению дел: *О какой стабилизации может идти разговор? Стабилизация – это, вы сами понимаете, сохранение устойчивости, постоянства и так далее. Что мы должны стабилизировать? Положение, которое сложилось в стране? Мы должны стабилизировать невыплату заработной платы, нищенские пенсии, развал экономики, голодную армию, преступность, нищету народа?* (Н. Рыжков).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

Целью толкования, помимо прочего, может быть диффамация политического противника: *Просят сделать депутатский запрос. Если переводить на русский язык, это означает: мне заплатили бандиты “десятку” и велели нервировать этого нового владельца, а они, со своей стороны будут ему угрожать* (К. Боровой).

Интерпретация коннотативного аспекта фактов речи связана с оценкой номинации как неадекватной, нежелательной или неприемлемой с точки зрения эмотивных ассоциаций. Комментирование коннотативного аспекта номинации может быть вызвано потребностью объяснить мотив смены наименования или акцентировать свою идеологическую позицию: *Можно только с содроганием представить себе, как всевозможные “патриоты” (только в кавычках могу о них говорить) поднимут сейчас головы* (Ю. Нестеров).

Коннотативное комментирование нередко принимает форму коррекции оценочной квалификации события в речи собеседника: *Я прошу прекратить хамские выражения в адрес лидеров фракций. Никто не ведет никаких “подковерных” заседаний, это нормальная совершенно работа* (Г. Селезнев).

Второй тип рефлексивов связан с интерпретацией высказывания с точки зрения стоящего за ним денотата. Метаязыковое комментирование в данном случае представляет собой либо градуальную коррекцию, связанную с оценкой номинации как неадекватной обозначаемому по степени признака, либо комментирование политического смысла высказывания.

При градуальной коррекции говорящий считает, что собеседник преувеличивает значительность, негативность обозначаемого явления, либо, наоборот, что номинация не в полной мере отражает степень серьезности, значительности, негативности обозначаемого явления: *То, что называют сейчас финансовым кризисом в России, на самом деле представляет собой явление куда более значительное, завершающее чуть ли не целое десятилетие, которое охарактеризовалось небывалым пренебрежением к реальным экономическим условиям и господством групповых, эгоистических интересов* (Н. Харитонов).

Комментирование политического смысла речевых действий связано с обнаружением второго плана сообщения, выявлением скрытых интенций политика: *Сергей Кириенко заявил, что сделал свой выбор – он и его партия “Новая сила” поддержат на президентских выборах Владимира Путина. На самом деле это заявление не имеет прямого отношения к президентским выборам. Оно просто означает, что значительная часть правых, вслед за Кириенко, подала заявку на местечко в партии*

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 14. – 120 с. ISBN 5-317-00036-X

власти. Точнее, в партийной системе, которую хочет построить в России Путин (“Известия”).

Данный тип рефлексива отличается от всех остальных тем, что он никак не связан с оценкой собственно языковой стороны высказывания, а скрытый смысл сообщения выводится не столько из поверхностного смысла сообщения, сколько из ментальных моделей интерпретатора, и в значительной мере зависит от его аналитических способностей и его оценки политической ситуации. Под ментальной моделью в политическом дискурсе, вслед за Т. ван Дейком, будем понимать когнитивную структуру, связывающую коллективные политические знания и индивидуальные мнения и убеждения [van Dijk 1997].

Т. ван Дейк разграничивает ментальные модели событий и ментальные модели контекста. Если модели политических событий образуют содержательную базу политического дискурса (о чем говорится?), то модели контекста контролируют преимущественно план выражения (как говорится?). Данное разграничение представляется значимым для понимания когнитивной основы разных типов рефлексивов. Рефлексивы, комментирующие политический смысл высказываний, исходят из ментальной модели события. В основе остальных типов рефлексивов лежит взаимодействие обеих моделей, однако, если в рефлексивах, связанных с оценкой фактов речи, доминирует модель контекста, то рефлексивах градуальной коррекции на первый план выходит модель события.

Л и т е р а т у р а

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63–71.
3. *Рябцева Н. К.* “Вопрос”: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 72–78.
4. *Старикова Е. Н.* Уточнение как элементарная единица дискурса // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. М., 1991. С. 184.
5. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 1995.
6. *Szabó M.* An Essay on the Discursive Interpretation of Politics. Budapest, 1997.
7. *T. van Dijk* Political Discourse and Political Cognition (Congress Political Discourse, Aston University, July 1997) // <http://www.let.uva.nl/~teun/>
8. *Wilson J.* Politically Speaking: the Pragmatic Analysis of Political Language. Cambridge (Mass.), 1990.